

ГОСУДАРЬ И АРМИЯ

*Как поехал Александра свою армию смотреть,
Свою армию смотреть, свою армию смотреть.
Обещался Александра
К Рождеству домой поспеть.
Скоро празднички подходят,
Александра дома нет.
Как пойду я на ту гору,
Посмотрю я в ту сторонку,
Не идет ли пыль столбом...*

Солдатская песня

Внимание к так называемым «частным проблемам», конкретизация аспектов исследования – закономерное явление в отечественной историографии. Масштабное историческое полотно, где основные контуры расплывчаты, а второй план и вовсе отсутствует, смотрится явно незавершенным; в этом случае его создателя вряд ли оправдает монументальность замысла. Специалисты столкнулись с тем, что создание обобщающих работ по истории Отечественной войны 1812 года не только невозможно, но и бессмысленно без углубленного изучения важных деталей, «освещенных светом больших исторических событий»¹. Научные труды, посвященные «частным проблемам» могут оказаться довольно значительными, как по глубине содержания, так и по количеству страниц, что лишний раз доказывает их актуальность. Сейчас уже невозможно представить историографию Отечественной войны 1812 года без монографий А.И. Попова «Погоня за миражом», В.Н. Земцова – «Великая армия Наполеона в битве при Москве-реке», В.М. Безотосного – «Русская разведка в 1812 году», И.А. Шеина – «Историография Отечественной войны 1812 года», Л.Н. Мельниковой – «Война 1812 года и русская православная церковь»; без работ В.А. Бессонова, С.А. Малышкина, С.В.Потрашкова, А.И. Сапожникова, И.С. Тихонова, В.П. Тотфалушина и др.

По справедливому замечанию С.О. Шмидта, «*историко-культурной же проблематике, а тем более историко-психологической, в трудах историков уделялось значительно меньше внимания...*». Именно в этом ракурсе исследования нас интересует проблема взаимоотношений Императора с армией. Роли Императора Александра I во внутренней и внешнеполитической жизни России и даже Европы посвящены сочинения выдающихся историков М.И. Богдановича, С.М. Соловьева, В.К. Надлера, А.К. Дживелегова, Н.К. Шильдера, В.Кн. Николая Михайловича. С нашей точки зрения, самым удачным является психологический портрет русского Императора, воссозданный в интерьере той эпохи французским историком А. Вандалем с помощью (по его собственному выражению) «диалога

источников». В последнее время опубликовано немало работ, в которых на первый план, к сожалению, выступает монолог автора, предлагающего ключ к разгадке «северного сфинкса» на уровне своего бытового здравого смысла. Один из примеров – монография А. Архангельского, увидевшего в Александре I «американофила», задумавшего ограничить свой срок пребывания на троне четырьмя годами. Как здесь не вспомнить совет Ю.М. Лотмана, который вряд ли когда-нибудь утратит свою актуальность: «Когда вы стараетесь объяснить себе, почему человек, живший 200 или 400 лет назад, поступал так, а не иначе, вы должны одновременно сказать две противоположные вещи: «Он такой же, как ты. Поставь себя на его место – и: «Не забывай, что он совсем другой, он – не ты. Откажись от своих привычных представлений и попытайся в него перевоплотиться»².

Принцип организации власти в России был четко сформулирован еще в Воинском артикуле Петра I: «Его Величество есть Самодержавный монарх, который никому на свете о своих делах не должен дать ответа, но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять»³. Современному человеку с «секуляризированным сознанием», вероятно, не просто представить отношения между Царем и подданными, коль скоро эти отношения осмысливались не столько в сфере политической, сколько в сфере духовной. Один из исследователей «военной оппозиции» в эпоху Александра I так определяет связь между Царем и подданными: «Для наших героев в понятии «Государь» сливалось то, что можно назвать тайной престола, тайной самодержавной власти, и тот, кто в данный момент являлся носителем, воплощением этой тайны. Царь – живое олицетворение России. В известном смысле она персонифицирована в нем»⁴. Необходимо добавить, что «тайна престола» находилась именно в сфере духа, поэтому «защитник Отечества и трона» в ту эпоху одновременно ощущал себя и «защитником Веры».

В письмах, дневниках, воспоминаниях того времени словосочетание «военная служба» часто заменяется «царской службой», «государевой службой». Достаточно вспомнить знаменитые строки из знаменитого стихотворения Д.В. Давыдова:

*Я люблю кровавый бой;
Я рожден для службы царской!*

Соответственно, определение «слуга Царю» не заключало в себе, по понятиям того времени, ничего оскорбительного, несовместимого с честью и благородством, коль скоро служить Богу и Государю было равнозначным. Характерный пример запечатлен в воспоминаниях Ф.В. Булгарина: «<...> Однажды, на дневке, в какой-то деревне уже за Нарвой, [подполковник – авт.] Ш. осматривал трубачей, в новых мундирах, присланных из Петербурга. Он махнул рукой – и шинель упала с плеч его, в грязь. Я подозвал улана, стоявшего в шагах двадцати, и велел поднять шинель. Ш. окинул меня взором, с головы до ног, и сказал с иронической улыбкою: «Не велика была бы услуга!» Ему, видно, хотелось, чтоб я подал ему шинель. – «Я слуга

Божий и Государев!» – отвечал я хладнокровно, а пришед домой, оседлал лошадь и уехал в эскадрон, объявив через писаря, что не возвращусь в штаб»⁵.

Немец Э.М. Арндт, служивший в 1812 г. в русской армии, видел причину победы над Наполеоном в национальном характере, обусловленном способом правления: *«Страх и удивление внушает эта самоуверенная сила – не назову ее величием, выражение это слишком высоко, но эта решительность и непоколебимость, даже независимость. <...> Именно независимость. Отчасти это обуславливается именно народным характером, но еще более способом правления. <...> Какая разница там, где действуют более свободные силы! Как в Англии, во Франции, в Германии, даже самый энергичный характер, самая могучая воля должны дробиться и размениваться в своей деятельности! <...> В странах, где поклоняются лишь одному Богу и одному самодержавному Государю, где до Бога высоко, до Царя далеко, всегда можно идти прямо напролом. Ибо там, где господствует рабство, отдельные лица всегда более независимы»⁶.*

Царствование Александра I пришлось на переломную эпоху, когда христианское отношение к идее легитимности (законности) монархической власти в Европе переживало серьезную проверку на прочность. В России опыт дворцовых переворотов XVIII в., казалось бы, также позволял усомниться в нерасторжимости таких понятий как «служить Государю» и «служить Отечеству», все еще составлявших в сознании русских офицеров в начале XIX в. единое целое. Следует признать, что Александр Павлович неоднократно возбуждал смятение в душах подданных пристрастием к либеральным идеям века: ученик республиканца Ф.С. Лагарпа неоднократно пытался реформировать «внутреннее устройство» России. Ропот соотечественников сопутствовал ему и во внешнеполитических начинаниях: по мнению многих, Государь не всегда твердо отстаивал собственные интересы России, увлекаясь, по выражению В. Ключевского *«голодной идеей всечеловечества»*. Военные неодобрительно отзывались и об известной, даже мучительной для них страсти Императора к «парадной» стороне ратного ремесла: погоня за «внешней красотью» нередко вредила боевым качествам войск. Офицер лейб-гвардии Семеновского полка А.В. Чичерин доверил «Дневнику...» крик души: *«Ради себя я хочу войны и всегда хотел, потому что, становясь воином, я рассчитывал поседеть в боях, а не одряхлеть от непрерывных досад на учениях и парадах»⁷*. Само за себя говорит высказывание графа М.С. Воронцова, относящееся к 1812 г.: *«Приятно жертвовать жизнью, когда любовь к Отечеству ничем не отделяется от любви к своим Государям и ничто иное, как одно и то же»⁸*. Подобное расчленение понятий монархист Ж. де Местр назвал *«смертельной вивисекцией»*, грозящей всей Европе.

Александр I, в лице которого Россия *«впервые узрела человека на троне»*, в силу этого, действительно, был «нетипичным» Монархом. Как строилась при нем линия отношений «Государь – армия»? Мы должны будем признать, что в душе Императора оставался потаенный угол, куда

воспитатель Лагарп с «общечеловеческими ценностями» так и не добрался, или же «державный воспитанник» сам не допустил туда своего наставника: речь идет об армии. В вопросах «внутреннего обустройства Империи» Александр Павлович мог сколько угодно предаваться либеральным мечтаниям, которые В. Ключевский едко называл «конституционными похотями»; Царь мог строго выговаривать своим сенаторам, что «*Сенат – не «Наши», а «Правительствующий»*. Но армия была «его», что показывает случай, рассказанный М.М. Петровым: «...Однажды в Петербурге Государь Александр Павлович, увидев нечаянно, что камер-лакей, зазевавшись, не успел отворить двери шедшему из гербовой к аванзалу армейскому подпоручику, бывшему во дворце для выписки приказов, велел позвать к себе гофмаршала графа Толстого и при всех гневно соизволил сказать ему: «Сейчас, неожиданно, я видел здесь невежество, оказанное офицеру армии **моей** [выделено нами – авт.] забывшимся дворцовым служителем. Оставляю это для первого раза без строгого наказания, но поручаю вам объявить всем прислужным штатам дворцов **наших** что всякий офицер гвардии и армии равно есть член моего семейства, ибо они в самые дорогие дни жизни их оставляют по долгу своему и усердию отца, мать и весь родной круг, нередко навеки, чтобы служить **со мною** Отечеству...»⁹. М.М. Петров не был очевидцем этого происшествия: он услышал эту историю от третьего лица. Следовательно, нам не ведомо, в каких именно словах выразилось негодование Императора на «невежество, оказанное армейскому подпоручику». Важно другое: в рассказе М.М.Петрова сохранены привычные для той эпохи словосочетания, обращающие на себя наше внимание спустя почти два столетия: дворцы – «*наши*», но армия – «*моя*». Может быть, офицерская молва, подхваченная М.М. Петровым, принимала желаемое за действительное? Приведем другой пример, относящийся к эпохе 1812 года. Н.И. Лорер вспоминал о традиционном представлении Государю бывших кадетов Дворянского корпуса, пожалованных в офицеры вскоре после Бородинского сражения: «Государь осмотрел нас и тихо своим приятным голосом поздравил нас офицерами, прибавив:

– *Вы заместите ваших павших братьев, служите же мне также ревностно, с тем же неукоризненным отличием, как и они служили»*¹⁰.

Безусловно, связь Императора с войском превратилась за годы наполеоновских войн в боевое содружество, порой омрачаемое обидами и неудовольствиями, но от этого не менее прочное. Достаточно вспомнить, что со времен Петра Великого после многолетнего «женского правления» Александр Павлович был первым монархом, решившимся возглавить войска на театре военных действий и принимавшим участие в боях и походах. Пользу это приносило или вред войскам – вопрос второй, но Государь, в силу своих убеждений, не мог поступить иначе. Его отец, Император Павел I, и сам был уверен и детям своим внушал следующее: «Я думаю, что стыдно бы было тому, кто от Бога произведен того пола и звания, служить непосредственно Отечеству своему, непосредственно не упражнялся б

*главнейшею частью службы онаго, какова есть защита государственная»*¹¹. Он болезненно относился к насмешкам за спиной, поэтому его безотказное чутье подсказывало ему, что носить военный мундир, но избегать военных действий в ту эпоху, когда он жил и царствовал – смешно. Сражения, в которых участвовали его войска, не шли ни в какое сравнение с «баталиями» XVIII столетия: потери отныне исчислялись не сотнями, а десятками тысяч. И он отправился на войну.

Можно, конечно, предположить, что ему не давали покоя лавры Наполеона, но характер Александра – «человека на троне» – позволяет в этом усомниться. В эпоху героев доказать армии, что он не трус было отнюдь не праздной затеей. *«Сколько солдаты любят того офицера, который разделяет вместе с ними опасность и бережет их, столько и ненавидят того, кто в таком случае оставляет их»*¹², – отмечал в «Записках...» Я.Г. Отрощенко. У Александра-Царя существовала серьезная проблема, касающаяся взаимоотношений с подданными: его дед и отец пали жертвой дворцовых переворотов, где военные сыграли главную роль. В этой непростой ситуации внутренний голос подсказывал Александру-человеку, что военный человек не поднимет руку на венценосца, оказавшегося собратом по оружию. Императорская гвардия, не раз становившаяся инструментом в руках заговорщиков, превращалась Александром I в гаранта собственной неприкосновенности. Психология поступков русского Императора привлекла внимание австрийского дипломата К.Н. Меттерниха, отозвавшегося так о его манере поведения: *«Он действовал только по убеждению, а если иногда и предъявлял какие-либо претензии вообще, то рассчитывал гораздо больше на успех светского человека, чем властителя»*¹³.

«Кровный союз» Александра I с армией был заключен в 1805 г. в Австрии, где русские воины сражались пока на территории союзника, где молодой Государь неосторожно «перехватил» командование войсками у пожилого и от того казавшегося ему «допотопным» М.И. Кутузова, следствием чего был сокрушительный разгром под Аустерлицем. В Европе считали, что все кончено и для Царя, и для его союзников: *«На сего доброго и превосходного монарха нашла дурная минута: по совету молодых своих царедворцев и вопреки мнению генералов и министров он дал 2 декабря генеральную баталию и проиграл оную. Это непоправимая беда...»*¹⁴, – сообщал из Петербурга своему, как тогда говорили, «конфиденту» Жозеф де Местр. Об этом же в частном письме осмелился написать Государю один из его друзей – князь Адам Чарторыйский: *«Ваше присутствие во время Аустерлицем не принесло никакой пользы, даже в той именно части, где именно Вы находились, войска были тотчас же совершенно разбиты, и Вы сами, Ваше Величество, должны были поспешно бежать с поля битвы. Этому Вы не в коем случае не должны были подвергать себя»*¹⁵. Но... Император видел кровь и смерть, страдал вместе с армией и даже еще больше. На глазах своей армии в опасную минуту он поднимал войска в атаку. Так, генерал Ланжерон свидетельствовал: *«Император кричал солдатам: «Я с*

вами, я подвергаюсь той же опасности, стой!» – все было бесполезно; неожиданность и панический страх, бывший ее результатом, заставили всех потерять головы»¹⁶. Однако за «прямой» офицерский подвиг – под неприятельским огнем бесстрашно побуждал войска идти вперед – по приговору кавалеров Георгиевской Думы Государь был награжден орденом Св. Георгия 4-го класса, который с гордостью носил любой офицер Его армии. Не будь в его жизни Аустерлица разве эрц-герцог Карл, брат австрийского Императора, произнес бы в 1806 г. в адрес Александра I эти знаменательные слова: «Его Величество, будучи сам солдатом, принимает участие во всех лицах своего звания»¹⁷. Разве в 1812 г., пожалуй, в самое тяжкое в своей жизни время, когда Наполеон находился в Москве, Царь мог бы дать жесткую отповедь своей сестре, Великой княгине Екатерине Павловне, упрекнувшей его в трусости: «Я не могу поверить, что в Вашем письме идет речь о той личной храбрости, которой может обладать любой простой солдат, и которой я не придаю никакой ценности»¹⁸.

«Кислый для России 1805 год» остался в памяти у воинов русской армии по обстоятельству, показавшему, по выражению кн. П.И. Багратиона, «великость духа нашего Государя». Так, Ф.В. Булгарин вспоминал: «Тогда был обычай, что взятый с боя город отдавался на грабеж. Если бы только брали пожитки... но тут и жизнь, и более еще – честь отдавалась на произвол расшвирипелого солдата! В русском войске это называлось: «поднять на царя». Император Александр приобрел неопровергаемое право на бессмертие в веках и на благословение народов уничтожением этого правила. Однако ж, однажды в жизни, в первый и последний раз, сам Император Александр прибегнул к этому средству. На другой день после Аустерлицкого сражения, Государь увидел несколько гвардейских батальонов и толпы армейских солдат почти без огней, лежавших на мокрой земле, голодных, усталых, измученных... Верстах в двух была деревенька, но в ней нельзя было занять квартир и достать помощи обыкновенными средствами. <...> Император Александр, тронутый положением своих воинов, позволил им взять все съестное из деревни. – «Ребята, поднимай на царя!» – раздался голос флигель-адъютанта – и солдаты устремились в деревню, и выбрали все, что можно было взять, и что было даже не нужно, для потехи. Государь записал название этой деревни, и после вознаградил вдесятеро за все взятое»¹⁹. Одно дело, когда «поднять на царя» предлагает войсковое начальство; когда с подобным призывом обращается к войскам сам Государь – другое дело!

Так или иначе, в 1805 г. образ Царя-воина прочно укоренился в сознании его «любезных сослуживцев», о чем свидетельствует стихотворение С.Н. Марина с патетическим названием «К русским»:

*Нам Александр – пример средь бою.
Отец Отечества! С тобою
Дерзнет на все усердный росс.*

Поражение при Аустерлице было далеко не последним испытанием во взаимоотношениях Императора с его армией. Очередная неудача, постигшая русских в битве под Фридландом 2 июня 1807 г., поставила Царя перед необходимостью заключить сначала мир, а затем согласиться и на заключение военного союза против Англии со своим грозным противником. Он вынужден был признать все завоевания «генерала Буонапарте» в Европе, а его самого – Императором Франции. По-видимому, Александру I нелегко далось это решение. Денис Давыдов вспоминал, каким он увидел своего Государя в дни душевной опустошенности и «банкротства надежд»: *«Я не спускал глаз с Государя; мне казалось, что он прикрывал искусственным спокойствием и даже иногда веселостью духа различные чувства, его обуревавшие и невольно обнаруживавшиеся в ангельском его взгляде и на его открытом, высоком челе»*²⁰.

Перед сильным неприятелем, гордившимся своими победами, русский Царь был весел и обворожителен, но Надежда Дурова запомнила Императора Александра, удрученного поражением своих войск: *«Государь проехал шагом мимо всего фронта нашего; он смотрел на солдат с состраданием и задумчивостью. Ах, верно отеческое сердце его обливалось кровью при воспоминании последнего сражения! Много пало войска на полях Фридландских!»*²¹ Безусловно, «грустный» Александр был ближе сердцу своих подданных, чем тот, «веселый», называвший Наполеона «своим другом» и «сюзереном». Ему скорее простили бы поражение, чем этот унижительный, по мнению роптавшей армии, союз. Генерал-лейтенант граф П.А. Толстой с раздражением сказал Царю: *«В России не привыкли радоваться такому невыгодному миру»*. Наверное, никогда за всю историю наполеоновских войн память о победах екатерининского царствования не была так мучительна для тех, кто в них участвовал. Там, в Тильзите, генерал-лейтенант князь Лобанов-Ростовский, сам не свой от горя, позволил себе вопиющую бестактность по отношению к Царю: за обедом у Наполеона он заговорил с Императором Франции о Екатерине Великой. *«Наполеон его много расспрашивал о ней. Князь Лобанов уже в ее царствование был действующим лицом, – он, как все современники и сослуживцы его, признательно и горячо предан был ее памяти. У него при рассказе навернулись слезы на глазах. Наполеон это заметил и сказал: «Видишь, Бертье, как русские любят и помнят своих царей»*. Кстати, в разговоре с российским уполномоченным Наполеон проявил удивительную проницательность. «Созданные» им маршалы предали его, как только счастье отвернулось от «горделивого властелина Европы», в то время как русские генералы оказались верны своему Монарху. «Тайна престола» и верность завещанию Екатерины оказались сильнее всех обрушившихся на Россию бедствий. *«Ненужными опасностями»* и забвением интересов России Императора попрекала мать – вдовствующая Императрица Мария Федоровна. Помня о трагической гибели своего мужа Павла I, Мария Федоровна считала, что ее сыну грозит равная с отцом опасность со стороны екатерининских ветеранов. Однако вдова убиенного

Царя отказывалась видеть очевидное: в глазах гордых и своевольных «ветеранов» именно ее старший сын был законным, по завещанию, наследником трона Екатерины Великой, который по недоразумению достался его отцу. «Обломки славы и побед» минувшего царствования, не раздумывая, подняли руку на отца, чтобы передать престол любимому внуку Екатерины, память которой была для них священна. Эти люди могли на него обижаться, сетовать, поучать, но убить – никогда! Вот отзыв об Александре генерала Л.Л. Беннигсена, относящийся к 1812 г.: *«Император удостоил принять меня в своем кабинете. Не буду повторять здесь всего, что этот добрый Монарх сказал мне любезного о прошлом; человек менее чувствительный, нежели я, был бы тронут до глубины души; мне ничего не оставалось, как ответить, что я готов пролить последнюю каплю крови ради спасения Его Империи»*²². В «царевубийстве 11 марта 1801 года» Беннигсен сыграл едва ли ни главную роль. Военные роптали, но не переходили дозволенных границ.

Впрочем, с Государем у каждого офицера были свои отношения. Офицеры полков, расквартированных в Петербурге, видели Царя постоянно. Гвардейцы считали себя как бы членами Императорской фамилии, без них не обходилось ни одно важное событие в жизни северной столицы. Эта близость к священной особе Государя до известной степени сокращала дистанцию между ним и подчиненными, что нашло отражение в забавных исторических анекдотах, переносящих нас в повседневную жизнь той поры. С.Г. Волконский рассказывал: *«Многие говорят, что служба флигель-адъютанта весьма близка к Царю. Хотя нас не была такая орава, как в последующее и нынешнее царствование, потому что выбор Царя был весьма разборчив и часто Государь говорил, когда говорили ему о назначении к нему флигель-адъютанта: «Оставьте мне то право, которое имеет каждой бригадный генерал, выбирать сам, кого хочет себе а адъютанты»...»* Как генерал-адъютанты, так и флигель-адъютанты, бегающие за выказыванием значения, вот что делали: при выходе Царя к посещению вдовствующей Императрицы или кому другому во дворце, они караулили Царя, и тогда он иных отличал разговором, с ними идя, и обыкновенным предметом разговоров были или известные ему любовные связи господ этих, или сплетни петербургского общества высшего и театрального круга»²³. *«Были из числа военной свиты <...>, которые <...> сторожили с кем танцует Государь: если с Марьей Антоновной Нарышкиной, то польской нет конца, при маскарадах обойдут целый круг два раза; если с молоденькой и красивой дамой, то польская делалась продолжительна; но если Государь ведет какую-нибудь старуху, взятую им из приличия, то, если можно, польская продолжается полкруга залы и никогда более целого круга»*²⁴.

Разве мог армейский офицер мечтать о том, чтобы Государь оказался в курсе его «любовных связей», или стал обсуждать с ним «закулисные сплетни»? Этим офицерам были неведомы случаи из жизни столичного гарнизона, веселившие высший свет Петербурга, как, например, этот:

«Являлся к Государю вестовой Измайловского первого батальона <...>; слишком хороший цвет лица показался подозрительным Государю; он, вынув платок, потер ему щеки, и что ж? О, стыд! Гренадер нарумянен. Государь очень рассердился, приказал наказать солдата, который не сказал, что ему велели нарумяниться; а я отвечаю головою, что ему это приказано»²⁵. «Ангел во плоти», как называли Императора придворные, бывал иногда довольно резок: «На Каменном острове по набережной, против дворца, стояли померанцевые деревья. На одном созрели апельсины, и к сдаче часовому было сдано, чтобы охранять их от кражи. Один из этих апельсинов свалился от зрелости. Часовой объявил об этом ефрейтору, этот – караульному офицеру, тот – дежурному по караулу Скарятину, человеку весьма тупому умом. Скарятин, полагая себя очистить от всякой ответственности, не рассудил, что в упадке с дерева апельсина небольшая беда, и, хотя было уже позднее вечернее время, пошел прямо к Государю и велел о себе доложить, как с донесением о важном деле. Император принял его; он подходит и говорит: «Государь, пришел донести Вам о случившейся большой беде». – «Что ж это?» – спросил Государь. – «Не смею доложить, но в этом я не виноват». – «Но что ж это?» – с нетерпением возразил Государь. – «Апельсин...» – «Не понимаю!» – «Апельсин, отданный в сдачу, свалился». – «Пошел вон, дурак!» Обстоятельство этого разговора приняло гласность, и Скарятин иначе не назвали между сослуживцами его и молодежью, как Скарятин-апельсин. И от стыда всего этого он вышел в отставку»²⁶. Отметим, что «происшествия» с офицерами-гвардейцами – это, как правило, исторический анекдот, рассказанный от третьего лица; в жизни же армейского офицера общение с Государем – исключительный случай, о котором он рассказывает сам и без малейшего намека на иронию или шуточный тон повествования.

Если же кому-то из армейских офицеров доводилось при встрече заговорить с Императором, то событие это относилось к числу незаурядных случаев. Так, Я.О. Отрощенко поведал о своей незабываемой беседе с Царем на «профессиональную» тему: «<...> Когда я был в передовом карауле с моей ротой, приехал верхом Государь император и Прусский король. Я им показал, где главный неприятельский караул и где часовые. Государь, увидев на мне французскую саблю, спросил: «разве лучше сабля?» «Надежнее шпаги, Ваше Величество». Он приказал мне подать саблю; я вынул из ножен и, взяв за клинок, подал ему; он взял, посмотрел и опять мне отдал, говоря: «тяжел эфес». Действительно, у наших сабель был перевес при ударе к месту прикосновения, и раны делали жестокие, а у французов перевес был в эфесе. Французский же эфес защищал ручную кисть, а у наших сабель этого не было»²⁷.

Встреча с Царем Надежды Дуровой носила совершенно исключительный характер, впрочем, как и сам факт пребывания женщины на военной службе: «Участь моя решилась! Я была у Государя! видела его! говорила с ним ! <...>. **«Я слышал, – сказал Государь, – что вы не мужчина,**

*правда ли это?» Я не вдруг собралась с духом сказать: «Да, Ваше Величество, правда!» С минуту стояла я, потупив глаза, и молчала; сердце мое сильно билось, и рука дрожала в руке царицы! Государь ждал! Наконец, подняв глаза на него и сказывая свой ответ, я увидела, что Государь краснеет; миг покраснела я сама, опустила глаза и не поднимала их уже до той минуты, в которую невольное движение печали повергло меня к ногам Государя! Я вскрикнула от ужаса <...>: «Не отсылайте меня домой, Ваше Величество! – говорила я голосом отчаяния, – не отсылайте! Я умру там! Непременно умру! Не заставляйте меня сожалеть, что не нашлось ни одной пули для меня в эту кампанию! Не отнимайте у меня жизни, Государь! Я добровольно хотела ею пожертвовать для Вас!..» Говоря это, я обнимала колени государыни и плакала. Государь был тронут; он поднял меня и спросил изменившимся голосом: **«Чего же вы хотите?»** – «Быть воином! носить мундир, оружие! Это единственная награда, которую Вы можете дать мне, Государь!» <...> Когда я перестала говорить, Государь минуты две оставался как будто в нерешимости; наконец лицо его осветилось: «Если вы полагаете, – сказал Император, – **что одно только позволение носить мундир и оружие может быть вашею наградою, то вы будете иметь ее!**»²⁸*

Иногда Император служил для армейских офицеров примером простоты солдатского быта: «Служитель отвечал, что государь по причине сухих мозолей уже три года заменяет чулки онучками. «Сначала было нам хлопот с этими онучками, – прибавил он, – бывало, мы путаем-путаем, вертим-вертим около ступней, либо пятка светится, или палец выглядывает; но, спасибо, скоро догадались: призвали старого гвардейского солдата, который, живя при нас неделю, выучил нас всех обуваться и обувать государя по онучкам со всеми сноровками, опрятно и удобно для спокойствия ног; так что государь теперь никогда не намерен обуваться по чулкам». Рассмотря и испытав истину удобства обуви по онучкам, я, поучась взятыми уроками у старых егерей моих, принял себе во всегдашнее средство успокоения ног, изнуренных походами и охотою с ружьем»²⁹.

События Отечественной войны 1812 года в который раз испытывали Российского Императора на прочность. Почувствовав, по его собственному признанию, «остроту обстоятельств», он направился к западной границе России, где были расквартированы войска 1-й Западной армии М.Б. Барклая де Толли. Государь погрузился в разногласия мнений по поводу плана кампании. От Государя требовали немедленных распоряжений, так как согласно Учреждению о большой действующей армии его присутствие на театре военных действий означало, что именно он является Главнокомандующим. Даже офицер квартирмейстерской части скептически оценивал полководческие способности своего Государя в сложившейся обстановке: «С нашей стороны распоряжался Государь; но на войне знание и опытность берут верх над домашними добродетелями»³⁰.

И все-таки он оказался в нужное время в нужном месте! Получив сведения об огромном численном превосходстве противника, «вступившего в пределы нашей земли», он, пусть неумело, сделал первый шаг к спасению Императорской армии: приказал отступать к Дрисскому военному лагерю в излучине Двины. «...Мы выступили по направлению к Дриссе, где находились укрепленные позиции. Государь пропустил нас мимо себя, когда мы строились в боевые колонны, и глядел на нас с улыбкой на лице, но я думаю, что на сердце у него было совсем другое. Неприятель находился между нашей армией и армией князя Багратиона»³¹. Дрисский лагерь принес одни разочарования: выстроенный по проекту прусского советника Александра I генерала К.Ю. Фуля, этот лагерь сразу же получил наименование «образца военного невежества». Все насмешки и издевки, высказанные опытными военачальниками в адрес прусского «стратега» в не меньшей степени задевали и самого Императора. Сведения о «славном по слухам» лагере достигли и до войск 2-й Западной армии. Так, Н.Н. Раевский сообщил родственнику в одном из писем: «Что предполагает Государь – мне неизвестно, а любопытен бы я был знать его предположения. У него советник первый Фуль – прусак, что учил его тактике в Петербурге. Его голос сильней всех. Общее мнение, что есть отрасли Сперанского намерения. Сохрани Бог, а похоже, что есть предатели»³². Князь Багратион, выводивший свою армию из окружения, недоумевал по другому поводу: «От Государя давно ничего не имею, впрочем армия наша в таком духе и в расположении всем умереть у стен Отечества и знамен Государя, что желают наступать»³³.

Однако Александр I выразил намерение самому ехать ко 2-й армии, 6 июля в Полоцке ему было подано письмо, подписанное тремя высшими сановниками России (А.А. Аракчеевым, А.Д. Балашовым, А.С. Шишковым), где в учтивой форме от него требовалось немедленно покинуть армию: «Мы отбытие отселе Государя Императора прежде сражения потому почитаем нужным, что, во-первых, время не терпит и каждый день медления здесь делает великий перевес в делах; во-вторых, если неприятель нечаянно настигнет и, чего Боже сохрани! одержит знатную поверхность...»³⁴ Секретарь Императрицы Н.М. Лонгинов сообщал о накалившейся в армии атмосфере: «Ненависть в войске до того возросла, что если бы Государь не уехал, неизвестно, чем все сие кончилось бы»³⁵. В Петербурге ходили слухи, что один из генералов 1-й армии в глаза попрекнул Государя тем, что «необходимо содержать не менее 50000 войска, чтобы охранять его особу». Вероятно, никогда он не казался себе таким одиноким и бесполезным, как в тот день, когда его выставили из армии, как напроказившего юнкера. «Я пожертвовал для пользы моим самолюбием, – признавался Александр I в письме сестре великой княгине Екатерине Павловне, – оставив армию, где полагали, что я приношу вред»³⁶. Ветераны «времен Очакова и покоренья Крыма» знали, что делали: они защищали Отечество и Веру, все то, что совмещалось для них в особе Государя, который теперь был нужен им как символ, а не как «светский человек», из

лучших побуждений деливший с армией невзгоды отступления. Юный офицер лейб-гвардии Семеновского полка в эти дни записал в Дневнике: *«Я всегда жалел людей, облеченных верховной властью. Уже в 14 лет я перестал мечтать о том, чтобы стать Государем...»*³⁷. Армия, которая так жестоко отвергла его в трудный час, с нетерпением ожидала ответа своего Императора на мирные предложения Наполеона, «гостившего» в Москве. Александр не обманул ожиданий своих *«любезных сослуживцев»*. Он понял, что он нужен, необходим своим воинам. По словам французского историка А. Труайя *«он нашел в себе силы из русского Царя превратиться в Царя русских»*.

В декабре 1812 г. он приехал в Вильно к своим измученным, промерзшим, но победоносным войскам. Фельдмаршал Кутузов бросил к его ногам, отбитые у неприятеля знамена. Те люди, о которых в минуты досады и горечи он говорил, что *«они умеют только драться»*, заложили величественный постамент для его славы. Их ряды поредели, они погибали под Миром и Кореличами, Романовым и Островной, Смоленском и Бородином, Тарутиным, Малоярославцем, Вязьмой, Красным, на Березине. С этой минуты Император Александр стал в Европе первой персоной. К русским войскам вскоре, как и обещали, примкнули пруссаки. Война повернула вспять от российских границ. Отныне *«наш Агамемнон»* вызывал лишь восхищение, запечатленное в письмах, дневниках, воспоминаниях офицеров русской армии, пленявшихся великодушием победителя: *«Многие черты создали нашему Государю репутацию милосердного и сострадательного человека. Мне приятно привести здесь пример, подтверждающий доброту его сердца. <...> Он теперь торжествует, – ведь французы сожгли Москву, разграбили богатейшие области, ввергли в нищету любимый им, драгоценный его сердцу народ. Судьба пленных не должна была бы его интересовать, ему должно было бы казаться естественным мстить за жестокости, в которых они повинны. <...> Дабы показать, как он умеет побеждать и прощать, он один, без свиты, завернувшись в шинель, прошел по самым зачумленным углам сего храма смерти. Дважды он пересек из конца в конец огромные залы, где смерть предстает в тысяче мучительных образов, его кроткие и ласковые слова подобно благодетельному бальзаму воскресили несчастных, которые не знали, кто сей великодушный, вносящий покой в их душу, кого им благодарить за расточаемые благодеяния. Он все сам увидел, обо всем распорядился, все смягчил своей кротостью...»*³⁸. Правда, сам Александр на вопрос графини Тизенгауз: *«Что говорили пленные, узнававшие в посетителе Царя?»*, отшутился: *«Они принимали меня за адъютанта графа де Сен-При»*.

Войска считали для себя особой честью вступить в бой и отличиться на глазах обожаемого Монарха: *«Октября 4-го мы уже стояли на высотах перед Лейпцигом. Тогда Император наш подъехал к нам с своею свитою и с конвоем, поздоровался с нами и сказал: «Ну, финляндцы, с Богом в бой». Мы крикнули: «Ура!» Молодой свитский офицер А.А. Щербинин*

записал в Дневнике 12 декабря 1813 года, накануне вторжения Российских войск во Францию: «...Праздновали мы день рождения великого Государя нашего»³⁹. В величии их собственного Государя русских офицеров убеждало поведение знаменитых иностранных военачальников, например, прусского фельдмаршала Г.Л. Блюхера, о чем поведал А.И. Михайловский-Данилевский: «В это время вошел Блюхер с прусскими генералами и их штабом. Фельдмаршал иногда шутит над своим королем и над слабостью его характера, он пренебрегает прочими монархами Европы и дорожит только двумя предметами: привязанностью прусской армии и уважением нашего Государя. «Он мой император, – говорит часто почтенный старик, – я ему доношу о моих военных действиях, а уже он пусть сообщает их королю. Он один может меня судить, и я от него принимаю охотно и выговоры, и награждения»⁴⁰.

И вот уже русские войска продвигаются по территории Франции. «<...> Он и в сем походе был столь же весел, столь же любезен, как и в предыдущем, и таковым, как я после редко видал его в путешествиях и во дворцах его. Приучив себя с молодых лет переносить непостоянство стихий, он всегда был верхом в одном мундире, лучше всех одет; казалось, что он был не на войне, но поспешал на какой-нибудь веселый праздник»⁴¹. А.И. Михайловский-Данилевский вспоминал о битве при Фер-Шампенуазе: «Я пристально смотрел на Государя во время действия или лучше – не спускал с него глаз, видя его в великой опасности. Я не скажу, чтобы он был совсем равнодушен, видно было, что душа его находилась в волнении, но он никак не изменял хладнокровию и с спокойствием распорядился малым числом войск, тут находившихся. Я видел, как Царь наш летел на тысячу смертей и потом стоял победителем посреди неприятельского карея, в котором офицеры и солдаты бросали оружие свое, между тем как воздух наполнялся свистом пуль и жужжанием ядер»⁴².

18 марта 1814 г. русские войска во главе союзных армий вступили в Париж. Этому событию предшествовало подписание Конвенции о капитуляции неприятельской столицы, 8-я статья которой гласила: «Город Париж передается на великодушие союзных Государей» и, конечно же в первую очередь, на великодушие русского Императора, которому после пожара Москвы было что прощать недругу. Так, «на вершине Монмартра погасли последние выстрелы ружей русских под развернутыми знаменами нашего Благословенного!»⁴³ Для него, вероятно, было очень важно, что он входил в историю с этим наименованием: не «Великий», не «Незабвенный», а именно «Благословенный». Его царствование началось с убийства Павла I, в чем он никогда не переставал себя винить. Волнующие дни в Париже отгоняли прочь воспоминания о той давней трагедии, случившейся также как и низвержение Наполеона в марте. Это ли было не доказательством благословения свыше и для него и для тех, кто знал о его причастности к заговору против собственного отца? «Следование армии нашей от Витри к Парижу было истинно торжественное и превосходит всякое описание. Государь <...> несколько

раз в день объезжал Гвардейский и Гренадерский корпусы, приветствовал генералов и полковых начальников, которые все почти его воспитанники, ибо образовались в гвардии пред его глазами. Громкие и сердечные восклицания «Ура!», барабанный бой и музыка возвещали прибытие Его Величества к каждому полку. Я никогда не видал Государя столь веселым, как в эти дни, он был любезнее обыкновенного», – вспоминал Михайловский-Данилевский⁴⁴. Также смело и открыто он мог смотреть в глаза своим подданным по возвращении в Петербург: «Я никогда не забуду того выражения, которое я видел на прекрасном лице Государя, когда он, на другой день своего возвращения, окруженный генералами, подвизавшимися с ним вместе, торжественно ехал верхом в Казанский собор слушать благодарственный молебен»⁴⁵.

Если первые годы царствования «Благословенного» Пушкин назвал «дней александровых прекрасным началом», то незабываемые дни в Париже можно с полным основанием считать самыми прекрасными днями в жизни Александра. В их воспоминаниях Царь навсегда остался таким, каким они видели его на высотах Монмартра и посреди ликующих жителей столицы Франции: «Народ французский, прельщенный поступками и божественною доверенностью нашего Государя у них и к ним, препровождая его к квартире, как некогда своего благословенного Генриха IV, кричал: «Виват, ура!», целовал руки, ноги его и даже прекрасного белоснежного коня Марса. «Мы уже давно ожидали прибытия Вашего Величества», – сказал один француз, на что Император ответил: «Я бы ранее к вам прибыл, обвиняйте в моей медленности храбрость ваших войск». Русский Император, также как и русские воины был приветлив и уважителен к мирному поселению, более того он льстил национальной гордости побежденных: увидев Аустерлицкий мост, напоминавший нынешним победителям о былых несчастиях, Александр I произнес: «Без этого и мы не были бы теперь здесь».

Унтер-офицер Богданчиков поведал своему внуку: «Когда мы пришли в Париж, то наши хотели разбивать Париж, а покойник император Александр Павлович – он ведь был красавец – говорит: «За что мы будем жечь город, ведь эти люди ничем не виноваты»⁴⁶. В памяти русского воина внешняя красота его Государя и сохранение неприятельской столицы слились в одно целое. В этом есть определенная логика: союзникам казалось, что Александр I в стремлении произвести благоприятное впечатление на французскую публику излишне усердствовал. Так, английский дипломат лорд Кэстльри, за месяц до вступления в Париж высказал нелестное для русского Царя соображение: «Русский император, кажется, только ищет случая вступить во главе своей блестящей армии в Париж, по всей вероятности для того, чтобы противопоставить свое великодушие опустошению собственной столицы»⁴⁷. Историк Н. Ульянов полагал: «Это желание нравится чужим народам – отличительная черта Александра I. Можно подумать, что знаменитые мечтания юных лет рассчитаны были на завоевание популярности в Европе. Идея предстать перед нею более

свободолюбивым, чем Наполеон, заключала одно из средств борьбы с ним»⁴⁸. Свести историю противостояния России и Франции исключительно к тщеславному эгоизму русского Императора, стремившегося из зависти затмить Наполеона, все равно что свести «династическое безумие» Наполеона, его стремление добыть себе и своим родственникам короны и титулы к зависти к помазанникам Божиим, в том числе к русскому Царю. И тот, и другой Императоры в равной степени были склонны к актерскому действу, игре на публику, потому что театральность вообще была в ходу в ту далекую от нас эпоху, составляя ее повседневный «социо-культурный контекст». «Особую роль в культуре начала XIX века в общеевропейском масштабе сыграл театр. Театрализуется эпоха в целом. Специфические формы сценичности сходят с театральной площадки и подчиняют себе жизнь. Грань между искусством и бытовым поведением зрителей была разрушена. Театр вторгся в жизнь, активно перестраивая бытовое поведение людей. Люди этого времени строят свое личное поведение, бытовую речь, в конечном счете свою личную судьбу по литературным и театральным образцам»⁴⁹. Наш Государь играл свою роль (или жил) так, как он считал нужным, в соответствии с полученным им воспитанием, образованием, а главное – происхождением своей власти. Он мог быть вполне искренним, когда произносил эти слова: «Бог ниспослал мне власть и победу для того, чтобы я доставил вселенной мир и спокойствие».

Государь Александр Павлович был сыном своего времени – всеобщего счастья и благополучия он пытался достигнуть силой оружия. Он обладал несомненной добродетелью – не предавал возвышенных идеалов своей юности. По мнению А. Вандаля, наш Царь вел войну с Наполеоном «во имя принципов». Французский историк был далек от мысли, что причиной, побудившей Александра I бросить вызов наполеоновской Франции, были зависть или личная месть⁵⁰: «Сын наследственного императора и воспитанник Лагарпа, он ненавидел в Наполеоне и узурпатора, и деспота. Вступая в войну с революцией, дисциплинированной одним человеком, он думал, что служит и делу королей, и делу свободы»⁵¹. Разочарование в либеральных идеях стоило ему жизни: по словам Меттерниха, «душа его рухнула» и он угас на глазах своих современников, не дожив до 50-ти лет. Кончина российского Императора мало чем отличалась от смерти Наполеона, его «вечно антогониста», вознесшегося из «низкой доли»; «измучен казнью покая», он, как множество ветеранов той «Большой Европейской войны» не смог найти себя в гражданской жизни. Вероятно, это было предосудительно для главы государства, но Александр I всегда внутренне стремился «к успеху светского человека».

Минуты счастья в его жизни были, им он был обязан своей армии, вопреки обидному замечанию Великой княгини Екатерины Павловны, сделанному в 1812 г.: «А вы, мой друг, в военных делах такой же неудачник, как и в гражданских». Кто бы упрекнул его в неискренности, когда он замыслил создание Военной галереи «в великолепных чертогах Своих, Зимнем Дворце, соединив здесь портреты генералов, участников в войне». Сын

своего времени, он считал, что самый надежный и «вечный» способ запечатлеть великие чувства – соорудить «вещественный памятник», их олицетворяющий. На Триумфальной арке, которую он повелел соорудить на Петергофской дороге в память о тех, с кем «разделял военные труды» помещена надпись по-французски: «*A mes chers compagnons d'Armes*».

Можно себе представить, как бились сердца его соратников, когда они читали эти слова, хотя Государь почему-то счел нужным выразить свои чувства по-французски. Очевидно, в этом также проявилась историко-культурная повседневность той поры. Надпись на арке многими переводилась, как «*Моим любезным сослуживцам*». В отрывке из Мемуаров декабриста А.Е. Розена, относящемся к кончине Государя в декабре 1825 г., этим словам дан иной перевод: «*К.И. Бистром объявил о кончине Императора [Александра – авт.], поздравил с новым Императором Константином, поднял шляпу, воскликнул: «Ура!» – и слезы покатались из глаз его и многих воинов, бывших в походах с Александром, который называл их «любезными товарищами». <...> Беспредельную любовь к Александру могу засвидетельствовать клятвою офицеров во многих армейских полках в 1812, 13, 14-м годах: «Не пережить любимого Государя!»*⁵² В наше время слово «любезным» воспринимается как «вежливым», но в те времена оно означало «любимым»...

¹ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). СПб., 1994. С. 10.

² Там же. С. 14.

³ Цит.: Боханов А.Н. Самодержавие. М., 2002. С. 255.

⁴ Давыдов М.А. «Оппозиция его величества». Дворянство и реформы в начале XIX века. М., 1994. С. 19.

⁵ Булгарин Ф.В. Воспоминания. М., 2001. С. 360-361.

⁶ Арндт Э.М. Из воспоминаний о 1812 годе // Русский архив. 1871. №9. Ст. 0107-0108.

⁷ Дневник Александра Чичерина. 1812-1813. М., 1966. С. 188.

⁸ Там же. С.20.

⁹ Петров М.М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку...//1812 год. Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 172-173.

¹⁰ Мемуары декабристов. М., 1988. С. 322.

¹¹ Юркевич Е.И. Военный Петербург эпохи Павла I. М.- СПб., 2007. С. 18.

¹² Отрощенко Я.О. Отрощенко Я.О. Записки. (1800-1830 гг.) М., 2006. С. 30.

¹³ Наполеон в России. Воспоминания современников. Кн. I. М., 2004. С. 29.

¹⁴ Ж. де. Местр Петербургские письма. 1803-1817. Спб. С. 59-60.

¹⁵ Чартырыйский А. кн. Мемуары. М., 1912. С. 114.

¹⁶ Ланжерон А.Ф. Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. М. 1995. С. 323.

¹⁷ Альберт Вандаль. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой Империи. Ростов-на-Дону, 1995. Т. II. С. 46.

¹⁸ Фельдмаршал Кутузов. Документы. Дневники. Воспоминания. М., 1995. С.216.

¹⁹ Булгарин Ф.В. Указ. соч. С. 199.

²⁰ Давыдов Д.В. Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Спб., 1895. Т.I. С. 306-307.

²¹ Дурова Н.А. Избранные сочинения кавалерист-девицы. М., 1988. С. 78.

²² Беннигсен Л.Л. Записки о кампании 1812 года. Русская ст., 1909. Кн. III. С. 216.

²³ Волконский С.Г. Волконский С.Г. Записки. Спб., 1902. С. 136-137.

²⁴ Там же. С. 138.

²⁵ Марин С.Н. Письма//Летописи. М., 1948. С. 301.

²⁶ Волконский С.Г. Указ. соч. С. 70-71.

²⁷ Отрощенко Я.О. Указ. соч. С. 31.

-
- ²⁸ Дурова Н.А. Указ. соч. С. 88-89.
- ²⁹ Петров М.М. Указ. соч. С. 173-174.
- ³⁰ Муравьев Н.Н. Записки// Русские мемуары. Избранные страницы. 1800-1825. М.,1989. С. 92.
- ³¹ Пущин П.С. Указ. соч. С. 48.
- ³² «К чести России». Из частной переписки 1812 года. М., 1988. С. 46.
- ³³ Там же С. 56.
- ³⁴ Шишков А.С. Кто исчислит бедственные следствия... // России двинулись сыны... С. 141.
- ³⁵ «К чести России...». С. 108.
- ³⁶ Фельдмаршал Кутузов. Документы. Дневники. Воспоминания. М., 1995. С. 216.
- ³⁷ Дневник Александра Чичерина. 1812-1813. М., 1966. С. 20.
- ³⁸ Чичерин А. Указ. соч. С. 88.
- ³⁹ Щербинин А.А. «Военный журнал 1813 года»// 1812 год... Военные дневники. М.,1990.С. 298
- ⁴⁰ Михайловский-Данилевский А.И. Дневники// Мемуары, 1814-1815. СПб.,2001. С. 239.
- ⁴¹ Там же. С. 28.
- ⁴² Там же. С. 36-37.
- ⁴³ Петров М.М. Указ. соч. С. 161.
- ⁴⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Указ соч. С. 35.
- ⁴⁵ Там же. С. 89.
- ⁴⁶ Богданчиков М.А. Мое воспоминание // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. С. 451.
- ⁴⁷ Ульянов Н. Александр I– император, актер, человек // Родина. 1992. №6-7. С.146.
- ⁴⁸ Там же. С. 146.
- ⁴⁹ Преснов В.А. «Театр Ростопчина». Социально-культурный контекст эпохи // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идея. Материалы науч. конф. В музее-панораме «Бородинская битва». М., 1999. С. 54.
- ⁵⁰ Соколов О.В. Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа. 1799-1805 гг. Т. I-II.М., 2006.
- ⁵¹ Вандаль А. Указ.соч. С.8.
- ⁵² Розен А.Е. Мемуары декабристов. М., 1988. С. 81.